

Владимир Николаевич Егоров

ВИРА ЯКОРЬ!

Сборник рассказов

Владимир Николаевич Егоров

Вира якорь!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43202109

ISBN 9785005011930

Аннотация

Эта книга – сборник рассказов о реальных событиях, восстановленных автором по собственным дневникам. Здесь можно прочесть историю простого советского моряка о том, каково бывать в рейсах, длящихся больше года; многократно оказываться на грани смерти, выживая благодаря счастливому случаю и экстремальному самообладанию; решать невероятные задачи и попадать в фантастические переделки в чужих, диких и опасных странах; жить будто в центре приключенческого фильма с элементами драмы и комедии.

Содержание

ЕГИПЕТ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

53

Вира якорь!

**Владимир
Николаевич Егоров**

© Владимир Николаевич Егоров, 2019

ISBN 978-5-0050-1193-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЕГИПЕТ

*Что наблюдаю – то пишу, что не наблюдаю –
то не пишу.*

Из английских «Правил ведения судового журнала»

Приключения эти начались очень давно. Так давно, что сейчас даже странным кажется, что все это было со мной. Поэтому лучше начать откуда-то с середины. Ну, допустим, с 1970 года, с Египта. Мой Египет начинается с Архангельска.

После окончания 4 курса ЛВИМУ и успешно проведённого отпуска в Сочи (в том году я женился) печально возвращаясь в училище в Ленинград. Предстоит очередная плавательская практика.

Не успел я войти в казарму в нашей роте, встречает меня наш командир, капитан третьего ранга Борис Михайлович Константинов. «А! Егоров! Бросайте чемодан в кубрик и зайдите ко мне в кабинет». Разделся в кубрике, наскоро поздоровался с товарищами (некоторые из курсантов летом на плавпрактике в ожидании своих пароходов жили в роте), зашел к командиру.

Командир наш был человек умный, подводник, обладал здоровым военно-морским юмором. Курсантов любил, потому что сам был таким же. После травмы на подводной лодке

в звании капитан-лейтенанта был направлен в наше училище командиром нашей 5 роты судоводителей. В последующем капитан 3 ранга, капитан 2 ранга, начальник Организационно-строевого отдела училища.

«Присаживайтесь, товарищ курсант. Перед практикой и переводом вас на пятый курс мне необходимо составить на вас аттестацию. Давайте посмотрим на ваши достижения». Берет с полки общую тетрадь с надписью «Егоров». Там все сведения обо мне, начиная со дня поступления в училище в 1966 году. Начинает листать разделы: «Так, с успеваемостью у вас все хорошо. Один из лучших. Молодец! Морские качества тоже хорошие. И капитаны о вас отзываются хорошо. Да я же был с вами в одном рейсе. В Марокко с вами были, в Англии в Ливерпуле. Так... дальше... спортом активно занимаетесь, это хорошо... Во! Первое место в гонке гребля-парус, помню-помню... О! По самбо второе место по Ленинграду! По плаванию за училище выступали. За физическую подготовку, считаю, можно 5 баллов тоже поставить. Дальше – „Дисциплина“. Самовольная отлучка одна, за четыре года не так уж много... Привод в милицию, без последствий... Две драки, одна с последующей медицинской помощью...» – «Не мне оказывали». – «Да знаю, я все ваши драки помню... Тут все записано. Ну, в общем, считаю за дисциплину тоже можно поставить 5 баллов. Так... как у вас настроение, море не надоело? Как с личной жизнью?» – «В этом году женился». Это заявление, кажется,

произвело на командира тягостное впечатление. «Женились, значит... так-так...» – и начинает отматывать страницы назад. «Знаете, Егоров, я вот подумал... все-таки нельзя вам за дисциплину 5 баллов ставить. Многовато всего за четыре года. Давайте мы вам 4 балла поставим?». Я молчу. Нас вообще в училище приучили лишних слов не говорить, а тем более не спорить. «Ну что ж, товарищ Егоров, поздравляю вас с переходом на пятый курс. Езжайте завтра в пароходство. Счастливого плавания. Постарайтесь вернуться в училище к январю, занятия начнутся с 10-го. И работайте на пароходе на совесть!» – «Есть работать на совесть!». Повернулся через левое плечо и поехал в пароходство.

Там инспектор отдела кадров, недолго думая, говорит: «Езжай-ка ты, Егоров, в славный город Архангельск на наш пароход (сухогруз) „Ковров“. Будешь ты матросом первого класса не менее как полгода. Рейс с грузом пиломатериалов в Александрию, а там как бог пошлет. Иди в кассу, получай аванс».

Грустный, но с чувством долга вернулся я в училище в казарму, собрал чемодан. В основном почему-то собралось много книг (ну любит человек учиться!), что придало чемодану серьезный вес. После недолгого раздумья решил облегчить его путём оставления в училище двух 6-килограммовых гантелей и боксерских перчаток. Оделся по-штатскому: рыжее пальто с ворсом, ботинки замшевые на толстой прозрачной подошве из натурального каучука и модная в то время

кепка-восьмиклинка. Всё заработано и куплено за прошлую плавпрактику. Попрощался с товарищами курсантами, купил билет на выданный аванс и поехал на самолет.

Приключения начались почти сразу. Сажу в самолете, смотрю в иллюминатор на изумительный закат солнца (на Севере с восходами и закатами вообще шикарно). Грущу, вспоминая прошедшие молодые годы. Мне в этот день исполнилось 22 года, и я уже пятый год жил в казарме и на пароходах.

Рядом со мной сидит мужчина лет 45-ти, тоже, конечно, смотрит на закат, но время от времени почему-то теряет над собой контроль и начинает прямо-таки заливаться счастливым смехом. Видно так ему смешно, что сдержаться не может. Я внимательно оглядел панораму из окошка: вроде ничего смешного. Довольно-таки грустный заход солнца за тайгу. Мужик понял мои сомнения и решил поделиться со мной радостью. Оказывается, он летал из родного Архангельска в Ленинград на свадьбу своего сына. Попраздновали от души в Питере. Новые родственники с сыном поехали провожать его в аэропорт на обратный рейс. Там долго обнимались и снова праздновали. Посадили «папу» в самолет и он, счастливый, полетел в родной Архангельск. Уснул, естественно. Просыпается, стюардесса разбудила. Выходит из самолета и с удивлением видит Ленинградский аэропорт. Оказывается, когда сели в Архангельске, он не проснулся. Никто его не заметил в полумраке спящего в уголке. Самолет загрузи-

ли новыми пассажирами. Свободные места были, тревожить его не стали, и он снова оказался в Питере. Тут он быстро пришел в себя, взял билет до Архангельска на тот же самолет и теперь делает вторую попытку. Прямо-таки прообраз для «Иронии судьбы».

Долго мы с ним смеялись, любуясь на закат.

--

Теплоход Ковров

В Архангельске диспетчер порта объяснил, что Ковров грузится «на 21-м заводе» и ехать надо на трамвае до Соломбалы.

Из трамвая было видно, что город этот (в то время) весь

деревянный. Стоит он на берегу огромной речки Северная Двина. Вокруг тайга, ёлки, пихты. Досок много, а асфальта мало. Из-за этого даже мостовые и тротуары на многих улицах из толстых досок. Большие машины едут и ничего – доски выдерживают. От местных трамвайных попутчиков узнал, что 21-й завод – это одно из примерно сорока лесопильных предприятий, каждое из которых имеет свой причал для отгрузки пиломатериалов на пароходы. Пилят доски и грузят их на суда в основном зэки (заклученные) и условно освобожденные.

Лесные причалы на Серверной Двине в Архангельске

Вот тут я впервые задумался: а сколько в нашей стране

должно быть заключенных, если в одном Архангельске их хватает, чтобы бесплатно обеспечить работу сорока лесопильных заводов и погрузку на сорока причалах?

Часа за полтора доехали до Соломбалы. Это отдельно стоящий пригород, с древности знаменитое поселение поморов-мореходов. Тут я с удивлением узнаю, что 21-й завод действительно находится рядом, но на другом берегу реки. Нужно переехать катером, а до катера 3 км по глухой сельской местности. Да ещё ночью с тяжелым чемоданом. Но делать нечего, надо идти, не ночевать же на трамвайных путях.

И вот тут подходит ко мне такой неробкий мужчина, ростом под 2 метра, в телогрейке, в треухе и, конечно, в кирзовых сапогах. Быстрый в движениях, выбрит плоховато и голос хриплый. И говорит мне тихо: «Может чемоданчик поднести? Тебе куда?».

Я с большим сомнением его осмотрел: парень лет сорока, по виду тянет на уголовника. А с другой стороны: чемодан мой килограммов на 30, ночь и тропинка к причалу по незнакомой сельской местности длиной 3 км.

Говорю парню: чемодан, мол, тяжелый, а идти до катера. Тот отвечает с готовностью: «Пустяки твой чемодан! А дорогу знаю. Трояк дашь?». Ладно, думаю, с таким чемоданом он все равно далеко не убежит. Да и не зря же я пять лет занимался самбо и боксом. Пусть тащит, а трояк – не деньги.

Пошли. Мужик бодро так шагает между кустов по тропинке, я еле поспеваю. Воздух свежий, тайгой пахнет. На хо-

ду «за жизнь» разговорились. Как узнал он, что в чемодане у меня книжки по навигации и учусь я на капитана, зауважал меня заметно. (А, вспомнил: Федором его звали!). Даже пробормотал что-то вроде: «Молодец ты, парень. Выучишься, нормально работать будешь, как человек. А я... эх!».

И тут я допустил оплошность, которую никогда больше в жизни не повторял: «А ты чё? – спрашиваю. – Сидел что ли здесь?». Он так глухо ответил: «У нас об этом не принято...».

Молча прошли где-то ещё с километр, Федя останавливается, скидывает с плеча чемодан и говорит: «Давай трояк, я сейчас бутылку принесу». – «Какая бутылка?! Ночь кругом, косогоры и тайга. Придем к причалу – дам трояк!» – «Нет, – говорит, – у причала сейчас бутылку не купишь. А тут недалеко Манька живет, продавщица из сельпо. У неё всегда есть. Я эти места знаю».

Черт с ним, думаю, парень вроде честный, да и трояк не деньги. Взял он бумажку и проникновенно так говорит: «Ты только никуда с этого места не уходи. Я мигом!» – и почти бегом скрылся в темноте.

И вот сижу я ночью на Крайнем Севере посреди тайги на своем чемодане. Холодно и одиноко. Прикидываю: дотащу ли я этот чемодан оставшийся километр до причала? И не собьюсь ли с этой неведомой тропинки? Да и та ли это тропинка? Вопросов много, ответов нет. Ладно, 15 минут буду ждать. Потом пускаюсь в самостоятельное плавание

по чуждой мне местности.

Прошло минут десять, слышу – бежит. Мужик весь в мыле, но с бутылкой водки в руке. Увидел меня, с облегчением выдохнул: «Ух! А я боялся...» – «Чего ты боялся?» – «Что не дождешься и уйдешь. А тут опасно. Да и слово я дал». – «Ну, что, пошли?» – «Погоди, отдышусь. Да и выпьем, давай!» – «Не-а, я пить не буду».

Мужик во второй раз обиделся, по голосу слышно: «Не-е, так нельзя. Я один не буду. Ты пей первый». Вижу, дальнейшие дебаты в ночи бесполезны. Взял бутылку, для вида сделал один глоток. Всё, говорю, остальное тебе. Мужик вздохнул с облегчением, без лишних слов взял бутылку за горлышко и на одном вздохе вылакал её до капли. С сожалением встряхнул над ухом и выбросил в кусты. «Пошли!» – подхватил чемодан на плечо и опять побежал.

Минут через 15 выходим на берег реки. Река огромная, берег пустой, трава в инее, ёлки по сторонам, вода черная. Но стоит какой-то занюханный причальчик и у него пришвартован катер типа речного трамвая, весь в огнях. Мне как моряку сразу полегчало.

Заходим на катер. Федя сбросил чемодан, поднимается со мной на мостик к капитану. Федю тут все знают: «Вот этого парня доведите до 21—го завода. И чтоб все нормально было. Это вот такой мировой парень! Смотрите мне!». Те заверили. Федя попрощался коротко и исчез в ночи. Больше я его не видел.

Доставили меня до 21-го завода благополучно. Однако и тут я успел для себя отметить, что нравы у местных поморов довольно простые. За полчаса перехода единственный матрос катера подрался с единственным (кроме меня) пассажиром. Но при высадке, чтоб тот не держал зла, отнес его чемодан и, обнимая его за плечи свободной рукой, проводил до дороги. При этом повторял: «Ты что? На меня обиделся? Да хочешь, я рубашку с себя сниму и тебе отдам, чтоб не мёрз?». Простые люди, подумалось мне. С такими, наверно, хорошо на войне. Победить таких невозможно.

Как давно всё это было!

— —

На теплоходе Ковров капитаном оказался мой старый знакомый Виноградов. Я его знал по рейсу на учебно-производственном судне «Зенит» в 1968 году после второго курса.

Очень грамотный моряк, кандидат наук. Добродушный здоровяк, с короткой скандинавской бородой, курил трубку. Девушки именно такими представляют себе капитанов. Был у Виноградова один недостаток: очень не любил, когда ему кто-то противоречил, даже начальство. При этом он впадал в ярость и орал матом, как белый медведь в жаркую погоду. Ну, да бог с ним. Я, как матрос, больше общался с боцманом и старпомом.

Пару дней ко мне команда относилась настороженно. Мол, гардемарин, белая кость, а тут физически работать надо. Но вскоре все переменялось. Началось со случая, когда

боцман поручил мне метровым гаечным ключом обтянуть гайки на крышке первого трюма. Первый трюм уже загрузили и надо было плотно закрыть крышку, чтобы при штормовой погоде вода не попадала. Гайки бронзовые диаметром сантиметров десять. Я спрашиваю боцмана: сильно затягивать? «Со всей дури, – говорит, – а потом возьми трубу для удлинения рычага и еще раз все обтяни».

Взял я гаечный ключ, уперся ногой в комингс люка и добросовестно потянул гаечный ключ. Бах! Кажется, сорвал резьбу. Снимаю эту гайку, захожу в столовую команды, там боцман со старшим матросом пьют чай. Показываю гайку. Резьбу сорвал, говорю с чувством вины. Гайка дорогая, килограмма три морской бронзы. Боцман огорченно причмокнул: «Да не-е... Бракованная гайка. Сорвать её никому ещё не удавалось. Пойдем в подшкиперскую, запасную дам».

Через пять минут опять захожу я в столовую уже с новой гайкой. В этот раз боцман как-то странно на меня посмотрел. Пойдем, говорит, покажи, как ты это делаешь. Подошли к трюму, беру гаечный ключ (без удлинителя) и ломаю третью гайку. Боцман молча пошел в подшкиперскую, выносит ещё две новые гайки и спрашивает: «Чем тебя в детстве кормили? Затягивай в полсилы!» – и пошел допивать чай.

— —

Оказалось, что работы я не боюсь. Сплю мало и одним глазом. Зэков тоже не боюсь. А когда боцман Геннадий Федорович увидел, как я на веслах сижу и делаю гаши на сталь-

ном тресе, то я стал его лучшим другом и правой рукой.

Очень скоро на меня взвалили ответственность за всё. Я практически круглые сутки следил за погрузкой (второй «грузовой» помощник только бумажки подписывал да из города пьяным возвращался), все три бригады зэков слушали внимательно мои указания. Принимал с боцманом, а иногда и без него судовое снабжение с берега, подменял береговых крановщиков на судовых кранах, чтобы не было простоев.

Надо сказать, что зэки работали серьезно. Все одеты одинаково в телогрейки, сапоги и треухи. Я не сразу научился их различать. Случались мелкие производственные недоразумения, но я их улаживал переговорами с «вожаками», без крика и без начальства. Недели через две, можно сказать, они меня понимали без слов.

В середине сентября уже всю повалил снег. Река, видно по воде, вот-вот покроется льдом. Такое ощущение, что пора тикать из славного города Лос-Архангелос в теплые страны.

За день до окончания погрузки и выхода из Архангельска подходит вечером один зэк и негромко говорит примерно так: «Володя, там тебя ждут в третьем трюме. Просят зайти». – «Кто?» – «Надо зайти. Там дыра есть между досок, сам увидишь». Спускаюсь в трюм, он уже почти полный. Точно: между бортом и пакетом досок небольшая щель, можно протиснуться. Как охранники и пограничники, а главное я, не заметили – непонятно. Пролез, дальше проход пошире с поворотами. Через несколько метров появился электри-

ческий свет. Вижу такую удивительную картину: среди досок выложена довольно большая комната, большой стол сколочен, скамьи. На столе стоят бутылки, закуска. Вокруг стола сидят человек 6 эков. Люди все взрослые. Лица мужественные. На интеллигентов совсем не тянут. Понятно – это наиболее влиятельные на зоне. Как я понял по слухам, медвежатники (специалисты по банкам и сейфам), махинаторы, в общем, крупные воры. Надо сказать, что всяких мокрушников (убийц), уличных грабителей, насильников эки вообще за людей не считали и к столу бы такому не подпустили.

Заклученные на лесопильном заводе в Архангельске

Я с удивлением осмотрел этот тайный ресторан. Бутылки

не открыты, закуска не тронута. Значит, меня ждали. Молчу, жду, что будет дальше. Один из зэков нарушил молчание: «Слушай, Володя, мы тут посоветовались и решили пригласить тебя посидеть, поговорить и выпить с нами. Через пару дней вы уйдете, больше не встретимся». Ладно, думаю, можно и посидеть. Сажусь за стол с ними: «О чём говорить будем?» – «Мы с тобой тут три недели пароход грузили. Ребята среди нас всякие есть. Но ты молодец: ни на одного не накричал, никого не заложил начальству, работал наравне с зэками, хотя мог бы просто командовать. Обычно все не так на погрузке. А самое главное – ни разу ни у кого не спросил „За что сидишь?“». То есть в душу не лез».

«Ладно, – говорю, – работали мы хорошо. За это надо выпить. Только спирт пить я не умею».

А в бутылках питьевой спирт, который в то время возили на Север вместо водки. Меньше места в транспорте занимает, да и при температуре ниже -40 градусов водка замерзает и бутылки лопаются, а спирт не замерзает.

Зэки меня успокоили. Ничего, мол, сейчас мы тебя научим пить по-архангельски. Чтобы спиртом не повредить голосовые связки, это делается так: небольшой вдох, глоток чистой воды, полстакана спирта, ещё глоток воды и выдох. Выпили, закусили, поговорили на общие темы. Когда почувствовал, что пьянею, говорю: «Спасибо за приглашение, я все понял. Надо мне идти, дойти бы до каюты». Те не стали меня удерживать: «Ты иди, Володя. А мы тут ещё поси-

дим. Считаю, что мы попросились. Иди поспи, а с погрузкой до утра будет полный порядок, мы гарантируем». Я спрашиваю: «А как вот это всё?» – и обвожу глазами комнату. «Этого к утру ничего не будет, заложим досками».

Через день мы снялись и пошли ночью вниз по Северной Двине к Белому морю и дальше в Северный Ледовитый океан.

— —

А в Белом море случился со мной очередной удивительный случай.

Вышли мы из Архангельска глубокой ночью, как только закончили погрузку последних пачек леса на палубу. 6 000 тонн груза берет такой сухогруз как Ковров. Кстати, пользуясь случаем, хочу кратко описать, как можно без грузового плана и расчета метацентрической высоты точно определить момент, когда пора заканчивать брать груз леса. Допустим, трюма уже полные, и лес пачками по 6—8 тонн укладывается на палубу и на крышки трюмов. Это так называемый палубный «караван». Когда уже внутреннее чутьё подсказывает, что хватит, делается такая операция: все четыре судовые крана одновременно поднимают с причала по пачке досок на полном вылете. Если пароход при этом не начинает опрокидываться на борт в сторону причала, то эти пачки укладываются на крышки трюмов. Затем опять берем 4 пачки с причала и приподнимаем одновременно над причалом. Если при очередном подъёме пароход начинает

валиться на борт, тут надо успеть быстренько смайнать (опустить) груз обратно на причал. Судно выравнивается. Конечно, немного страшновато при этом находиться на судне, но выдержать можно. Затем с судна снимаются обратно на причал 6—8 пачек леса, и можно считать, что погрузка закончена. Остойчивость судна будет вполне достаточной. И никаких расчетов не надо. Этому меня в Архангельске научили. После этого палубный караван крепится стропами из стального троса, которые обтягиваются винтовыми талрепами по-походному.

А вот этого мы как раз и не сделали. Моряки так наломались перед выходом, что старпом с боцманом решили дать нам поспать несколько часов, пока идем по реке, а закрепить груз уже в Белом море на следующее утро. Понадеялись, как всегда, на русское «авось».

Я спал очень крепко в своей каюте. Утром рано на вахте старпома, только светать начало, поднимает меня боцман по авралу: вышли из устья реки в Белое море, а там встречная волна крупная, судно начало зарываться носом, палубный караван может смыть за борт. Надо стропами крепить и хорошо обтягивать.

Вся палубная команда со свайками и монтировками лазает по доскам и крепит. Моряки, мокрые насквозь, как могут уклоняются от потоков воды от встречных волн и при этом ещё ухитряются работать по креплению груза. Боцман Гена и я делаем то же самое на первом трюме. Там опасно: это

ближе всего к носовой части судна, сильно заливаает волной на ходу. Ход сбросили, но совсем остановить судно нельзя – поставит лагом (бортом) к волне и тогда всё к черту смоят: и караван, и моряков.

Матросы в основном своё дело сделали и убежали в надстройку. А мы с Геной героически прячемся от больших волн за брашпилем и носовой мачтой, а в перерывах успеваем закручивать ломиками стягивающие талрепа. Осталось обтянуть один строп, и тут стало совсем плохо. Волна усиливается на глазах. Старпом с мостика по трансляции орет: «Бегите отсюда! Х... с ними с этими досками!». Гена приказывает: «Всё бросай! Бежим!» – и бодро так скачет по доскам к надстройке. А у меня ещё один талреп не обтянут. Ничего, думаю, надо докрутить его. Заняло это не больше минуты. Подхватил ломик в правую руку и бегом по доскам вдоль левого борта к корме.

Не тут-то было! Пароход ныряет в волну, меня какая-то непреодолимая природная сила подняла над палубой и понесла. Небо, море и пароход попеременно мелькали по кругу перед глазами. Потом на мгновение изображение остановилось: я в воде, всё темно-серое, ничего не понять. Выныриваю, передо мной несётся какая-то серая стена. Борт парохода, а я в воде! И тут случилось чудо: очередной волной меня поднимает наравне с бортом, я взмахнул рукой и засадил ломик между фальшбортом и пачкой досок. Волна опустилась, я повис на правой руке, подтянулся на ней, выскочил

на палубный груз. Не без труда вытащил ломик и побежал в надстройку. В коридоре глянул на судовые часы: 08.00 без нескольких минут, а мне на руль заступать с восьми часов. Опаздывать на вахту у моряков считается позором. Сбросил с себя в курилке промокшие ватные фуфайку и брюки, оставил ломик и бегом на мостик.

Старпом, боцман и третий помощник на мостике. Все бледные, у старпома, я заметил, челюсть подклинивает. Спрашиваю разрешения заступить на руль. Старпом смотрит бешеным глазом: «Какой руль!? Ты же сейчас за бортом был, я сам видел!» – «Да ничего. Вылез обратно, даже ломик сохранил. Моя вахта, разрешите руль принять!». Гена похлопал меня по спине, дрожащим голосом: «Иди переоденься».

На вахту я заступил через 5 минут. Третий помощник и старпом, пока я стоял на руле, несколько раз подходили и спрашивали с сомнением: «Ну как ты?». Я в конце концов не выдержал: «А что „как“?» Старпом покачал головой: «Вода плюс 2, полторы минуты и паралич сердца. Мы бы даже развернуться не успели. Ты знаешь, парень, у некоторых после такого приключения крыша бы поехала». – «У меня не поедет», – отвечаю. А про себя подумал: «Пить надо меньше. Тогда и не поедет».

Да, Бог меня хранил. Но с этого дня я запомнил урок: как бы тебя начальство ни торопило, нельзя выходить в море, если на судне груз не закреплен. И всё остальное, включая команду, должно быть «по- походному».

Дальше пошли обычные будни на переходе. Баренцево море. Ну, на него я еще два года назад посмотрелся, когда на подводной лодке служил в Полярном. У меня такое ощущение сложилось, что меньше шести метров волна на этом море не бывает, особенно зимой.

Потом Норвежское море, Северное. Примерно то же ощущение. Небо и море серого цвета. Ветер пронизывающий, качка не для слабонервных. Боцман Гена определил меня как самого «способного моряка» на непыльную работенку. Как он выразился: «Работа непыльная, но и не денежная». Ты, мол, парень не слабый, поэтому огребай настоящую морскую практику. «Нечего тебе на руле вахту стоять, это для хилых курсантов. Вот тебе инструмент: свайки стальные, молоток, кувалда, зубило, помощник в виде здорового матроса второго класса Юры Лапшина (из поморов). Надо к приходу в Александрию сделать 40 стропов различной длины из стального 18 миллиметрового троса. Потому как выгружать лес мы будем своими судовыми кранами, а стропов у нас нет».

И вот мы с Юрой примерно две недели в любую погоду занимались физическим развитием: с утра после завтрака искали на судне место, где не заливает волной и где есть швартовый кнехт (который использовался как наковальня при рубке троса). Перетаскивали туда инструмент и бухту троса, до вечера с перерывом на обед делали стропа: рубили

зубилом трос на куски, расплетали концы на пряди, связывали проволоки, чтобы они не рассыпались, делали пробивки в тросе с помощью кувалды и свайки, протаскивали через пробивки стальные пряди в определенном порядке, получалась на конце гаша. Лишнее обрубали зубилом. Места, где обрубленные проволоки торчат, оклетнёвывали пеньковой каболкой (тонкая веревка), чтобы можно было руками браться за строп.

Все это делалось при качке, на холодном ветру, под дождем и брызгами. Юра от такой работы стонал и проклинал боцмана. Со всхлипыванием вспоминал деревянные мостовые родного Архангельска и молодую жену. Обещал убить боцмана, как только встретится с ним на берегу. Я молчал и работал. В общем, за две недели стал я на всю жизнь профессором по изготовлению гаш. 40 стропов – это 80 гаш. Руки от такой работы стали в предплечье толстые как у краба, стальные гаши потом еще долго, когда бывал болен, снились по ночам.

Боцман Гена, глядя на такую работу, просто души во мне не чаял. Разрешил мне, в отличие от других матросов, называть его «просто Геной». В столовой команды посадил меня на почетное место рядом с собой и отдавал мне лучшие куски. По вечерам иногда топил электрическую сауну (судно было финской постройки, а финны без сауны жить не могут) и лично бил меня веником. Вот тут я, кстати, понял, зачем нам в Архангельске со снабжением привезли аж 100 прося-

ных веников. Оказалось, что новый просяной веник, разогретый в пару, даже лучше дубового.

Вот так, в основном, проходил этот переход. Еще запомнился один интересный случай: в Северном море встретили небольшое стадо китов, и среди них один был белый. Обыкновенный кит, только не черного, а белого цвета. Редчайший случай. Старые моряки тут же объявили, что это к счастью. Как белый слон в Индии. Я иногда думаю: может быть, поэтому у меня потом всегда было счастья навалом?

Всё когда-то кончается. Мы прошли Гибралтарский пролив. Штормовые погоды и холода закончились. В Средиземном море в начале осени жара, солнце, никаких штормов, вода изумрудно-синего цвета. Со стороны Африки дует сухой горячий ветер, пахнет цветущей травкой. Все оттаяли, стало казаться, что стоит жить. Не так уж все плохо. Даже Юра Лапшин передумал убивать боцмана: «Пусть живёт пока!».

Подробно Средиземное море описывать здесь не стану — это отдельная тема. Если сейчас начну об этом море вспоминать, то до Египта мы никогда не дойдём. Скажу только, что много позднее, во время войны на Кипре в 1973—75 годах, я плавал помощником капитана на танкере «Красноводск» в составе нашей Средиземноморской эскадры и за эти годы изучил это море как свой собственный дом. Но это было потом.

Вид на причал морвокзала в Александрии, где Ковров грузился хлопком

Пришли в Александрию. Причала свободного не было, и нам несколько дней пришлось постоять на якорю на внутреннем рейде. Тут боцман объявляет набор добровольцев покрасить за эти несколько дней надстройку. А надстройка слегка напоминает пятиэтажный жилой дом со множеством иллюминаторов, шлюпочным устройством, несколькими открытыми палубами, трубой и верхним мостиком, плюс кормовая мачта со всеми навигационными огнями и прочим оборудованием. Работать надо на высоте на подвесках. Короче, тяжело и опасно. Матросы скромно молчат, никто энтузиазма не проявляет. Кто постарше, вообще сидят с таким

видом, что, мол, это не про нас говорят.

Боцман посмотрел на эту сцену скептически и говорит мне: «Ну, Володя, не будем тратить время на диспуты. Придется тебе возглавить эту малосильную команду».

Я стал быстро думать, как же я это буду работать с этими полуинтеллигентами. Хуже нет, когда моряк высоты боится: или сам упадет, или тебя подведёт в какой-то момент. А у меня с этим было нормально, в 67-м году одну навигацию проработал вахтенным боцманом на трехмачтовом паруснике «Сириус». Там мачты высотой по 30 метров, быстро к высоте привыкаешь. Выходит, что я один буду теперь на высоте по беседкам и верёвкам с кистью лазить, а остальные будут покуривать и делать вид, что они меня страхуют. Нет, думаю, лучше я сам эту работу сделаю, а они пусть что-нибудь другое пока красят, что пониже.

И бодрым голосом говорю боцману: «Гена, да тут делать нечего. Давай мне Юру Лапшина в помощники. Мы тебе эту надстройку за пять дней покрасим». Юра подпрыгнул как ужаленный, остальные с облегчением вздохнули. Боцман быстро согласился.

Когда остальные разошлись, объяснил ужаленному Юре, что лазить по верхотуре буду сам, ему придется переносить беседки, страховку, подносить мне кисти, краску, чай с бутербродами и оказывать всякие другие мелкие услуги. Тут и Юра вздохнул с облегчением.

Погода стояла хорошая, дождей не было. (По секрету ска-

жу, что в том месте их вообще не бывает). На шестой день перед обедом я объявляю боцману, что надстройка покрашена полностью. Тот почему-то посмотрел на часы и бегом побежал искать старпома. У меня зародилось смутное сомнение. Зная Гену с лучшей стороны, я заподозрил, что он поспорил на что-то существенное со старпомом о том, смогу ли я за пять дней покрасить надстройку.

Выходит старпом. Недоверчиво так на меня посмотрел и командует боцману спустить рабочую шлюпку: будем, мол, со стороны с воды осматривать результаты работы.

Я на веслах, боцман на носу, старпом на корме. Огибаем пароход, надстройка сверкает вся белая, как айсберг. Старпом в бинокль осматривает детали, боцман гордо поглядывает на надстройку и на старпома.

И тут старпом говорит: «А-га-а!» и протягивает бинокль боцману. Теперь уже у старпома гордый вид, а боцман слегка привял. Боцман взгляделся через оптику и хрипло произносит: «Пропуск!».

А я и без бинокля уже разглядел: на лобовой переборке под одним иллюминатором незакрашенная поверхность с полметра квадратного. Высота большая, из иллюминатора не достанешь. Боцман трагическим шепотом вещает: «Всё! После обеда будем настраивать подвеску с верхнего мостика и штормтрап. Будешь докрашивать». Я промолчал, но самому обидно.

Вернулись на судно, все пошли обедать. У меня что-то

аппетит пропал. Взял я толстую пеньковую веревку метров 25 длиной, банку белой краски, вальковую кисть с тонкой ручкой и поднялся на верхний мостик, Привязал веревку к лееру одним концом, второй конец бросил вниз: как раз до палубы достала. Затем окунул кисть в краску, взял её в зубы, перелез через леера, по веревке спустился до ненавистного пятна, взял кисть в правую руку и, конечно, замазал его. Потом без особого труда спустился до палубы, пробежал опять пять этажей до верхнего мостика, отвязал веревку и сбросил её вниз на палубу. Заняло это все минут 15.

После этого захожу в столовую команды, сажусь рядом с боцманом и небрежно так сообщаю: «Замазал я это пятно». – «Как замазал!?» – «Да по веревке спустился с кистью. Делов-то на пять минут».

Через несколько секунд до Гены дошло. Бросает обед и бежит к старпому, видимо контрольное время еще не закончилось. Не знаю на что они там поспорили, но несколько дней после этого я ходил героем, а Гена счастливо улыбался, когда разговаривал со мной.

— —

Вообще, довольно опасная эта матросская работа на больших сухогрузах. Был случай, когда я за одни сутки дважды едва не отправился на тот свет: первый раз от руки своего друга боцмана Гены, а второй раз чуть не погиб в когтях разъяренного африканского слона.

Дело было так. После выгрузки леса нам пришлось об-

шивать изнутри все трюма досками, готовились к погрузке хлопка. Дело в том, что тюки с хлопком не должны соприкасаться с железными бортами. В рейсе при перемене температуры влага внутри трюмов конденсируется на металле, хлопок впитывает воду и, отсырев, через некоторое время самовоспламеняется. Аналогичное явление иногда происходит на мусорных свалках, когда самовозгорается мусор. Если такое случится в море – считай, дело хана. Если откроешь трюм, появится доступ воздуха и все запылает синим пламенем. Трюм не станешь открывать – все равно пароход сгорит, только не сразу. Углекислотного тушения трюмов тогда не было. Короче: спускай шлюпки, давай сигнал СОС, а это уже некрасиво. Такие случаи бывали.

Выдал нам боцман по плотницкому топору, по ящику гвоздей 120 мм, по страховочному поясу и благословил на очередной трудовой подвиг. А вот каски почему-то не выдал. Да в то время моряки как-то пренебрежительно относились к спасательным жилетам, каскам, страховочным поясам и прочим защитным устройствам.

Нам с Юрой Лапшиным достался первый трюм. Мы несколько дней лазили в трюме на высоте по шпангоутам и стрингерам, перетаскивали друг друга, колотили топорами по гвоздям, пилили, затёсывали. Эту работу условно можно сравнить с заданием, когда два человека должны за неделю построить трехэтажный деревянный дом. По объему работ – примерно то же.

И вот через несколько дней заканчиваем мы работу, прибаваем последние доски. Спускаемся с высоты на дно трюма. Я спустился первым, с чувством глубокого облегчения бросаю топор и начинаю расстегивать страховочный пояс.

На ту беду, боцман Гена с калабахой (старшим матросом) несли мимо трюма большой аварийный сосновый брус, длиной 6 метров и сечением 150X150. Они, видите ли, решили произвести ревизию аварийного снабжения. И вот эти два старых моряка обходят угол первого трюма, брус держат за окованные железом концы. Естественно, один из них завернул за комингс трюма раньше другого и они продолжают идти уже по разные стороны от просвета трюма. В конце концов задний старый моряк уперся в комингс, дальше идти некуда, остановился, брус потянул на себя. Передний старый моряк не видит, что у него делается за спиной, но чувствует, что брус его не пускает. Начали молча дергать каждый в свою сторону, прямо надо мной. Брус выскользнул из их рук и полетел вниз мне на голову.

Я, ничего не подозревая, снимая пояс, слегка наклонил голову к пряжке. И тут слышу сверху душераздирающий вопль. Чисто рефлекторно рывком опустил голову, плечи сами поднялись, мышцы напряглись. Подумать я ничего не успел. Через сотую долю секунды я почему-то перестал видеть, как будто наступила полная темнота.

Прошло, видимо, несколько секунд, зрение стало постепенно возвращаться. Оглядываюсь вокруг, пытаюсь понять,

что случилось. Я нормально стою на ногах, рядом валяется мой топор и какой-то брус.

По скоб-трапу с завываниями, как обезьяны, чуть ли не падают сверху в трюм боцман и калабаха. Гена подбегает, челюсть трясется, может произнести только одно слово: «Вова! Вова! Вова!». Дрожащими руками ощупывает меня.

Я ещё не понял, что случилось. Мне показалось, что что-то с Геной произошло. Взял его за руки, спрашиваю: «Гена, что с тобой? Сядь отдохни. На тебе лица нет».

Усадил его на брус, по спине похлопываю. Тут Гена сообщает мне что случилось. Брус летел мне прямо на голову, но крепкая курсантская шея и плечи спасли положение. Удар пришелся серединой бруса на мою шею, от меня он отскочил вверх и упал на палубу. Удивительно, но на моем теле не было даже ни одного синяка, самортизировал удар. Только мышцы потом с задней стороны шеи побаливали несколько дней, как будто я перезанимался в спортзале.

Гена долго не мог поверить такому чуду, все пытался затащить меня к судовому врачу. Потом немного успокоился и говорит: « Видно МЫ немного переработали. Завтра, Володя, отдыхай. Выходной вам с Юрой. Погуляйте по городу, выпейте коньяка. В зоопарк, что ли, сходите. Только за Юрой последи, одного его не оставляй, он как дитя».

Да, видно Бог меня хранил. Но каску всё-таки надо одевать!

Набережная в Александрии

На следующее утро мы с Юрой приоделись, взяли по несколько египетских фунтов в карман и пошли расслабляться в Африку. Юра, как увидел первую забегаловку, потянул меня к дверям: мол, боцман велел пить коньяк для согрева души. Я ему категорически возразил: нет, сначала зоопарк. Тут тебе не Архангельск, не замерзнешь и без коньяка.

Зоопарк оказался шикарным заведением со всем африканским зверьем. Покормили овощами бегемотов, на вид они мне показались миролюбивыми животными. Только потом через много лет в Гвинее я узнал, что от этих бегающих мягких танков каждый год погибает множество людей.

Но звери явно скучали. Посетителей, кроме нас с Юрой, никого. Война, туристов как ветром сдуло. А местным

не до зоопарка, вкалывают с утра до вечера, пять раз в день молятся да по ночам гашиш курят.

Юра обратил моё внимание на высокую кованую решетку, которая перегораживала небольшую лощину между отвесными скалами. Лощинка оформлена вроде как естественной природной долиной, поросшей невысокими деревьями и кустарником, посыпана песочком. Юра предположил, что там живут какие-то интересные зверьки, но, видимо они спрятались от жары и спят, надо их разбудить.

Подходим к решетке, Юра по хозяйски стучит по металлическим прутьям: эй, мы здесь, выходите на просмотр!

Тут воздух завибрировал от львиного рычания так, что сердце опустилось ниже живота. Из чащи на предельной скорости выбегает огромных размеров лев, в несколько прыжков добегает до нас и с ревом прыгает на решетку. Отталкивается от неё всеми четырьмя лапами, приземляется на песок. Рев смолкает, грива мирно свисает, хвост волочится по песку и лев, даже не оглянувшись на нас, лениво заходит в кусты и опять засыпает в тени. Похоже, он таким образом развлекал сам себя.

Скажу честно: я огромным усилием воли заставил себя стоять на месте напротив решетки. Наверное, я побледнел. В этот момент стало мне понятно, что чувствует перед смертью американский охотник во время сафари. Юра же просто спрятался за меня и немного присел, так как был выше меня на полголовы.

Вот тебе и зверюшки, такого аттракциона мы не ожидали.

«Юра, – говорю, – хватит с нас крови. И так вся жизнь висит на волоске. Пойдем к мирным животным! Где тут слон?». Казалось бы, что может быть миролюбивее слона?

Но и тут мы ошиблись. Африканский слон – это далеко не то смиренное индийское животное, которое нам показывают в цирке. Он вдвое выше и вчетверо тяжелее. До 4-х метров в холке. Уши у него огромные и стоят торчком как у зайца, бивни метра по 3 длиной.

Когда мы подошли к его клетке, он стоял спокойно на солнце, как скала. Клетка из толстенных квадратного сечения брусьев из красного дерева. Между брусьев расстояние около метра. Человек может запросто пройти, а слон – нет. Вместе с нами к клетке подходит унылый араб в белом балахоне, с большой корзиной в руках. В корзине большие морковки и ещё какие-то местные корнеплоды – видимо, кормить слона. Я знаками объясняю ему: дай, мол, мне пару морковок, хочу слоника покормить. А Юра даст тебе сигарету. Тот безразлично махнул рукой: бери сколько хочешь.

Взвожу фотоаппарат, даю его Юре, чтобы он снял трогательную сцену кормления животного. Беру две морковки покрупнее и прохожу между брусьев к слонику. Тот настороженно косится на меня глазом, но беспокойства не проявляет. Видать не боится меня. Вблизи он кажется неправдоподобно большим. Не верится, что это что-то живое.

Даю ему морковку, он её с благодарностью жуёт. Я тем временем глажу его по хоботу. Ощущение такое, будто гладишь кору старого дуба. Он меня легонько ощупывает кончиком хобота со всех сторон. Даю ему вторую морковку, прощаюсь и поворачиваю, чтобы уйти. Слон берет морковку, кидает её быстренько в рот и так же быстро хватает меня поперек талии хоботом. Хобот толще моего туловища, чувствуется – сила чудовищная. Поднимает он меня в вертикальном положении, аккуратно, метра на 4, до уровня своих глаз. Повернул направо, налево, внимательно разглядел вблизи со всех сторон и очень бережно, с точностью до сантиметра, поставил перед собой на землю. Я его ещё погладил на прощанье и пошел Юре.

«Ну, что? Снял меня со слонем?» – Юра только тут очнулся от гипноза. Закрыв рот и говорит: «Черт! Я со страху про фотоаппарат совсем забыл! Я думал он тебя раздавит! Знаешь что, иди ещё раз, а я сфотографирую!». – «Не-е, Юра, теперь твоя очередь, а я буду фотографировать!». Но Юра отказался под предлогом, что морковка кончилась.

Мы повернулись уходить и только сейчас заметили, что за нами стоит какой-то араб при галстукe, видимо сотрудник зоопарка и держится обеими руками за голову. Мы его успокоили, руки ему опустили. Он нам кое-как объяснил, что увидел сцену кормления, подбежал, хотел вмешаться, но побоялся что-либо делать, потому что слон от любого шума или быстрого движения может расшвырнуть и тогда неиз-

вестно, чем бы это все закончилось. Вернее сказать, известно, но об этом лучше не говорить.

Вышли мы из зоопарка. Теперь, согласно боцманской инструкции, можно идти по жаре пить коньяк, культурная программа закончена.

--

Торговый порт Александрии

В Египте мы простояли ровно 2 месяца – 61 сутки. Первый месяц выгружали доски, второй месяц грузили хлопок в тюках.

Надо сказать, что Египет того времени, а это было 44 года тому назад, представлял собой совершенно удивительную страну. О глобализации, унификации или даже просто о туризме египтяне в то время представления не имели. Три го-

да как они проиграли войну с Израилем. Страна еще была на военном положении.

Первое, что меня поразило – это немыслимое смешение разных рас и народов, в порту работали и по улицам ходили огромные накачанные негры разных оттенков почти без признаков одежды на теле, но с христианскими крестами на груди. Арабы со свирепыми лицами, укутанные в какие-то немыслимые балахоны, вместо штанов – юбки, скрепленные внизу между ног какой-нибудь брошкой, на голове или тюрбан, или турецкая феска. Все черноволосые, с черными глазами. Женщины, по большей части с закрытыми лицами, разнаряженные в пух и прах, лица не видно, но с огромным количеством браслетов, ожерелий и газовых платков, и все это движется в строгом порядке с детьми за своим мужем. В одиночку взрослая женщина появляться на улице не имеет права. Только с мужем, в крайнем случае – с пожилым доверенным слугой.

Каждый мужчина (мусульманин) может иметь до четырех жен. Весь вопрос только в том, сможет ли он купить очередную жену у родителей (существовала вполне фиксированная цена на невесту в зависимости от касты, для простого человека – 600 египетских фунтов) и затем содержать её с детьми.

С непривычки очень интересно было русскому человеку видеть как по улице двигаются египетские семьи. Впереди на дистанции нескольких шагов движется глава семейства, в роскошном костюме, несмотря на жару, в расшитой шел-

ковой рубашке навыпуск до колен, весь в золотых перстнях, желательно толстый. Чем толще, тем считается более уважаемым. Хорошо бы чтоб живот свисал над ремнем. Идет он медленно, я бы даже сказал величественно, на жен и детей не смотрит. Три-четыре жены, разукрашенные как чучела в музее, несколько служанок и кучка детей следуют за ним на почтительном расстоянии. И вся эта эскадра строем клина с минимальной скоростью, позволяющей прохожим рассмотреть и оценить это великолепие, движется в неизвестном направлении. Машин на улицах практически не было, поэтому парад самцов проходил без помех.

Глядя на это великолепие, наши моряки невольно вспоминали наших социалистических мужей, вечно заморенных, невыспавшихся и полупьяных.

Справедливости ради надо сказать, что таких расфуфыренных гусей в Александрии было не так уж много. В большинстве люди работали с рассвета до заката за гроши и, похоже, чуть ли не половина обходилась вообще без жен.

Местные портовые работяги говорили мне, что здесь, в Египте, существует элита. Что-то вроде высшей касты. Они белокожие, стараются не загорать на солнце. Глаза у них по большей части голубые, а волосы светлые. (Как у меня, с этого и начался разговор). Эти люди занимают с древности особое положение: банкиры, политики, ученые – одним словом элита. Они считаются настоящими коренными египтянами, в отличие от арабов. Но я за два месяца ни одного

такого не встретил, возможно, мы вращались в разных слоях александрийского общества.

С первых дней в Египте я пришел к твердому убеждению, что война с евреями ими проиграна вполне закономерно. Такой народ просто не может выиграть ни одной войны. Тем более с Израилем. У арабов в крови полное разгильдяйство, отсутствие самого понятия о дисциплине и, самое главное, они необычайно подвержены панике. Это природное, этого ничем не исправить. Приведу пару маленьких примеров.

Швартовались мы в первый раз к причалу пассажирского порта. Порт пассажирский, построен ещё англичанами, но никаких пассажиров давно не было, туристов тоже, поэтому причалы использовались как грузовые. Буксиров для швартовки тоже не было, лоцмана тоже.

Своим ходом подошли к причалу под острым углом на расстояние 10-15 метров. На большом одновинтовом судне без подруливающего устройства, да ещё в грузу, это очень опасно. Подали выброску, к ней привязали стальной швартовный конец и травим это дело в воду. На причале два араба в чалмах тянут с обреченными лицами за выброску. Выражение на лицах такое, как будто они всю ночь гашиш курили. Тянут-потянут, по всему видно, вытянуть не смогут. Ветер отжимной, пароход потихоньку начинает отходить от причала. А невдалеке на том же причале сидят на бревне работники-арабы, несколько человек, перебирают чётки и спокойно с глубокомысленным видом наблюдают эту трагическую

картину.

Отчаявшиеся швартовщики с чувством отвращения бросили нашу выброску на причал, при этом помахали в сторону судна щепотками из пальцев и произнесли на арабском какие-то свирепые заклинания.

Капитан даёт «малый вперёд» и подходит в этот раз практически вплотную к причалу.

Я говорю боцману: надо на причал спрыгнуть, иначе никогда к Египту не пришвартуемся. Гена говорит: опасно, но давай!

Вылез я через леера на борт, повис на руках на ватервейсе, оттолкнулся от борта ногами, пролетел метра четыре и приземлился на причале. Схватил брошенную выброску, в одиночку вытащил швартовый конец на причал и положил на кнехт. Арабы скромно отошли в сторонку, даже не попытались мне помочь. Арабским я владею слабо, почти половину не понимаю. То есть цифры арабские свободно разбираю, а слов почти не помню. Поэтому с использованием русского диалекта, очень кратко, конечно, объяснил им кто они такие. Но, похоже, они не все поняли. Языковой барьер. Мне сразу стало понятно, что в разведку с такими лучше не ходить.

Еще пример. В порту рядом с нами стояло несколько египетских ракетных катеров. Положение в стране военное, ночью затемнение, патрули и всё такое. Вроде бы всё должно быть готово к отражению внезапной атаки евреев. Днем команды этих кораблей красовались на палубах и на при-

чалах в белой форме с золотыми погонями. А вечером, после вечерней молитвы, привязывали катера к нашему борту. На пиджин-инглиш (ломанном английском) просили присмотреть до утра, и все до одного человека уходили домой к жёнам.

Я вначале пытался у командира катера выяснить, что мне делать, если ночью возобновятся боевые действия на море. Можно, мол, принять командование и немножко повоевать пока вы спите, до вашего прихода? Офицер отрицательно покачал головой, вроде: не стоит этого делать. А потом безнадежно махнул рукой на катер и пошел на берег. Я так понял, что ему все равно, кто будет воевать на его корабле, лишь бы не он.

И, чтобы не утомлять, последний пример про панику, очень характерный. Разгружаем доски на причал судовыми кранами и грузовыми стрелами. Арабы этим занимаются самостоятельно. Бригада грузчиков из нескольких человек на палубе при каждом трюме, на причале тоже соответственно толпа арабов. Вообще в порту возле нашего судна и соседних очень много людей. Механизация слабая, все делается вручную, народу в порту много. Я с Юрой что-то делал на причале.

Вдруг слышу на судне какой-то удар, вопль араба с поминанием Аллаха, следом дружные вопли грузчиков на палубе. Всё, думаю, кого-то убило.

Как потом выяснилось, лопнула стальная оттяжка грузо-

вой стрелы и одному из арабов оторванным тросом оцарапало до крови пальчик.

И вот тут я своими глазами увидел, как паника за доли секунды без всякой причины превратила сотни взрослых людей в испуганных животных. Арабы чуть ли не со всего порта толпами с обезумевшими лицами ринулись на наш пароход.

С судна на причал стоял алюминиевый парадный трап, довольно крутой и узкий. Арабы сразу сломали леерное ограждение трапа, некоторые попадали на причал, трап прогнулся от тяжести толпы.

Мы с Юрой переглянулись и без лишних слов бросились спасать положение. Пробились через арабов к трапу, поднялись на несколько метров, потом повернулись лицом к толпе и стали скидывать напирающих арабов на причал. Юра при этом особенно не деликатничал, бил по башкам то правым кулаком, то левым, не хуже кувалды. Чувствовалась архангельская закалка. Арабы послушно падали на причал.

Через минуту всё успокоилось. Пострадавшего, бледного, с перевязанным пальчиком, под руки арабы толпой повели в больницу. Старпом весь трясся от злобы: «Скоты! Я думал они весь пароход разнесут! Наш матрос на такую царапину и внимания бы не обратил».

Я думаю, что нечто похожее у них происходило и на войне.

— — —

Но были в Александрии и положительные моменты. Когда

через месяц выгрузили доски, мы перешвартовались на другой причал в том же пассажирском порту.

Боцман решил, что я достаточно поработал физически и меня можно временно перевести на умственный труд. Следующий месяц работал тальманом: сидел на причале с одним старым арабом по имени Махмуд, и мы оба считали тюки хлопка, которые грузили на судно. По 12 часов в день. Работа не трудная, нужно только быть внимательным. Количество тюков у меня и у Махмуда должно обязательно сходиться, о чем в конце дня нами подписывался документ. Ослики на тележках подвозят по три тюка (каждый весом 333 кг), грузчики цепляют их по три железными крюками на стропах, и стрелой или судовым краном это поднимается на судно в трюм.

Махмуд оказался интересным человеком. Ему было 60 лет, небольшого роста, жилистый и худой, лицо коричневое в морщинах. Сам босиком, в белом балахоне и, конечно, тюрбан на бритой голове. Он лучше меня говорил по-английски, я тогда не особо знал язык. Как он с гордостью сообщил мне, он работал в этом порту ещё при англичанах (до 1956 года Египет был английским протекторатом, фактически колонией). Поэтому он говорит по-английски, знает порядки и вообще, в отличие от других работяг, знает как себя вести. Это было правдой. Я заметил, что в порту он пользуется авторитетом. Для меня это был единственный араб, с которым хотелось общаться.

С утра мы выбирали место попрохладнее в тени эстакады морвокзала, Махмуд заказывал у торговца чай, мы сидели, пили чай, считали груз, не спеша беседовали о том о сём.

Порт там открытый, народ по причалам ходит всякий. Махмуд комментировал проходящих, когда я не понимал, что происходит. То эфиопа покажет, то торговца гашишем. Один раз рассказал о проходившем дервише, который каждые 10 шагов подпрыгивал и поворачивался на 360 градусов, при этом заунывно гнусавил что-то из Корана. Я все понял, о чем он говорил. Только не понял, зачем в такую жару замотанному в белые тряпки ходить босиком по раскаленному асфальту и при этом делать прыжки с поворотом.

Однажды мимо нас проходит какой-то странного вида старик. Бедно одетый, почти нищего вида. Махмуд тоже обратил на него внимание и говорит мне: «Это факир. Хочешь посмотреть чудо? Это интересно».

Раз интересно, надо посмотреть, а сколько это стоит? «Если дашь пачку сигарет, он будет доволен». Я усомнился, что настоящий факир будет показывать чудеса за такую мизерную плату. И, как оказалось, ошибся. Махмуд остановил факира, что-то ему коротко сказал. Тот безразлично, но согласен кивнул.

Я попросил вахтенного матроса у трапа сбегать к артельщику и принести пачку сигарет (сам я никогда не курил).

Факир попросил меня сесть на скамейку, где я сидел раньше. Вокруг собралось несколько грузчиков из любопытства.

Старик для начала из-под моей расстёгнутой рубашки горстями стал извлекать пищащих желтеньких пушистых маленьких цыплят. Он бросал их на причал, и эти цыплята как-то дружно на ходу строились в цепочку и с писком убегали куда-то вдаль по причалу и там терялись из вида. При этом это видели все присутствующие, а не один я.

Потом он сжал в ладони одного цыпленка, а когда раскрыл ладонь, в ней оказался свернутым мой красный шейный платок. Я носил его от солнца и пота, завязанным на шее. Как он успел его снять – непонятно.

На этом чудеса не закончились. Старик попросил меня снять с пальца золотое кольцо. Взял у меня из руки карандаш, которым я делал записи о количестве тюков. Надел кольцо на карандаш и попросил меня держать его крепко двумя руками за концы. Потом накрыл моим платком карандаш вместе с кольцом, легонько его сдернул за конец – кольца на карандаше нет! Я почувствовал изумление и легкое беспокойство по поводу пропавшего кольца. Но старик знал своё дело: опять накрывает карандаш платком (я продолжаю держать его за концы), сдергивает платок – бац! Кольцо на месте. И так несколько раз.

Я уловил момент, когда кольцо в очередной раз появилось и говорю: стоп! Хорош! Достаточно чудес, вот тебе твои сигареты. Старик безразлично кивнул, взял сигареты и пошёл дальше. Народ разошелся.

Спрашиваю Махмуда: ты видел? Как он это делает? Тот

не слишком был удивлен. Объясняет: как он это делает, никто не знает. Он не один такой, у нас такие встречаются. Он, если захочет, может закинуть веревку на небо и залезть по ней на облако. Что, говорю, за пачку сигарет!?! Нет, отвечает Махмуд совершенно невозмутимым тоном, это стоит дороже.

— —

Так мы мирно проводили время. Были там и другие события, о которых не буду подробно рассказывать. Играли даже с местной командой в футбол на стадионе, Мы с Юрой как-то умудрились запихнуть мяч в их ворота. Но чем матч закончился – почему-то не помню. Жара виновата.

Уже от безысходности заходил один раз в центральную мечеть. Пропустили свободно, только попросили обувь снять перед входом. Посидел на ковре, полюбовался на потолок из разноцветных стеклышек. Несколько арабов сидели невдалеке, про себя шептали что-то из Корана.

В конце ноября мы почувствовали, что в Александрии что-то происходит. Арабы стали к нам, русским, относиться как-то по-другому. До этого мы с Юрой иногда по вечерам ходили в город гулять. Хоть и военное положение и город затемнен, но кабаки все исправно работали, плов и лаваша с коньяком подносили бесперебойно, отношение дружелюбное.

А тут появилось что-то враждебное в людях, причем чуть ли не за один день. В город уже ходить не хочется. Да

и старый Махмуд мне говорит: «Вы лучше в город по ночам не ходите». – «Почему вдруг?» – «Президент у нас новый. Политика меняется. Народ у нас как бараны, что ему вечером в газете напишут, то он утром и делает».

Дело в том, что примерно в то же время, как мы пришли в Александрию, умер египетский президент Хамаль Абдель Насер. Я сначала даже внимания на это не обратил. Мало ли я в жизни видел диктаторов, живых и мертвых? Страной этой Насер, после того как убил египетского короля, правил долго и успешно, в основном, за счет Советского Союза. Был большим другом Никиты Хрущева. Жена Никиты даже на радостях во время их визита в Египет подарила Насеру пассажирский самолет ИЛ-18. Русские построили им множество предприятий, в том числе Асуанскую ГЭС, с энтузиазмом воевали «добровольцами» с евреями в войне 67-го года. В общем, дружба на века. За наш счет, конечно.

И тут в разгар дружбы Насер умирает. Его преемник (не помню как звали, его потом подчиненные застрелили во время военного парада) месяца полтора скорбел об утрате и думал, с кем дальше вечно дружить. Американцы облегчили ему горе, предложив большие кредиты и, опять же, вечную дружбу.

На следующее утро вышли газеты, в которых бедным египтянам открыли, наконец, на правду глаза: неверные русские, оказывается, никакие нам не друзья, а друзьями нам все это время были американцы, мы только этого не знали.

И вот началось непонятное. Иду по причалу с двумя металлическими банками краски подмышками. Боцман попросил принести с соседнего одесского парохода. Жарко, банки тяжелые, хочется дойти быстрее и поставить их куда-нибудь. И тут появляется какой-то молоденький араб-бездельник, заслоняет мне путь, размахивает руками, кривляется, пятится передо мной спиной вперед и выкрикивает постоянно одну и ту же короткую фразу на русском языке из трех слов. Несколько секунд я терпел и пытался обойти его. Аллах свидетель – не собирался я бить этого арабчонка, но мои руки как-то сами без моего участия отпустили банки с краской, а правая вообще молниеносно описала полукруг и кулак со всей пролетарской ненавистью обрушился прямо в центр арабской рожи. Придурок пролетел пару метров и упал в кучу какого-то строительного мусора. Это спасло его от травмы головы, а меня, возможно, от подземной африканской тюрьмы под названием «зендан». Дело в том, что невдалеке стоял полицейский офицер с пистолетом и дубинкой и внимательно наблюдал эту сцену.

Придурок вскакивает и весь в стружках бежит к полицейскому: давай, мол, защищай от неверного, убивают!

Полицейский думал недолго. Разворачивает придурка за плечи в нужном направлении и мощным ударом дубинки по заду придает ему значительное ускорение в выбранном направлении. Я ещё не понял, что мне дальше делать. Смотрю на полицейского вопросительно. Тот делает легкий жест

рукой: ничего, следуйте дальше по своим делам. Я кивнул согласно, поднял банки и пошел на пароход.

Я и сейчас не до конца понимаю, почему полицейский так поступил. Возможно, он просто не успел прочитать утренние газеты.

Дальше – хуже. Чуть ли не в этот день молодой бригадир грузчиков, которые работали у нас на палубе с тюками, проявил настойчивое желание помериться со мной силой на руках. Мотивировал он это тем, что он, вроде, самый сильный в порту, ему 22 года и у него уже две жены. Я вообще-то считал его своим приятелем. Идя навстречу трудовому арабу, я тут же на стоявшем тюке хлопка завалил его руку под молчаливое одобрение более старших грузчиков-арабов.

Это произвело на бригадира возбуждающее действие. Он начал подпрыгивать ко мне на манер петуха, глаза налились кровью. Но тут мой напарник Юра одним ударом кулака прервал развитие конфликта. Араб упал на железную палубу и самостоятельно уже подняться не смог.

Грузчики приподняли его и помогли сойти на причал. Заметно было, что его подчиненные не слишком расстроены. Видно, он задолбал всех своим хвостовством и женами. Больше мы его не видели. Старый Махмуд сказал мне утром, что его направили на другой участок.

Потом портовые власти не разрешили нашему большому противолодочному кораблю зайти в порт для пополнения запасов. Тот развернулся на внутреннем рейде и ушел. Это бы-

ло совсем непонятно. Наши военные корабли много лет использовали Александрию как свою базу. Стало ясно, что дело серьезное.

Однажды утром, старый Махмуд говорит мне: вчера в городе была стрельба. Ваш военный матрос пострелял из автомата арабов.

Стало ясно, что необходимо покинуть эту бананово-апельсиновую республику. Пора тикать куда-нибудь на север, можно даже обратно в родной Архангельск. К счастью, погрузка хлопка уже практически закончилась.

Насчет стрельбы в городе я тогда ничего больше не выяснил. Но лет через десять случайно узнал эту историю во всех подробностях.

Работал я тогда капитаном-наставником в 8-м Экспедиционном отряде аварийно-спасательных и подводно-технических работ. И был там у нас пожилой береговой боцман Боря Литвинов. Жил он в Кудепсте, первый дом от площади с правой стороны по улице Дарвина. Он уходил на пенсию и по этому поводу пригласил меня в гости выпить водки.

Его сын Саша, примерно моих лет, вызвался добровольно приготовить нам что-нибудь на закуску. Сам Саша парень очень скромный, за стол сесть постеснялся.

Мы сидим с Борей, разговариваем. В разговоре я случайно упомянул Александрию. (Ну о чем еще моряки могут за водкой говорить? Естественно, кто где был, кто что видел). Боря встрепенулся: «Когда ты там был?» – «Осенью 70-

го». – «Да мой Сашка там в это время был! Саша, иди сюда!». Тот отвечает: «Пап, да не надо об этом. Давно все это было». Поставил нам хлеб и сковородку на стол и тихонько вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.